

Анна БЕЛЯЕВА

ЛИНИЯ ТАНЦА

Р а с с к а з

У Ксении Андреевны Семеновой, изящной молодой женщины двадцати пяти лет, была сегодня главная мечта — чтобы про нее не вспомнили, чтобы дали пройти в танцкласс незамеченной, отработать и выйти из здания тихой мышкой. Летние кроссовки — совершенно не по сезону, но кто ей запретит делать глупости — мягко ступали по бетонным полам выдавшего виды Дворца культуры, где еще сама Ксюша много лет назад начала свой путь в танцах. И если подойти в этом же ДК к стенду «Наша гордость», то можно увидеть Ксению в углу уже выцветшей фотографии с далекого турнира, где она, тринадцатилетняя, и ее партнер наконец-то выполнили норматив КМС* по бальным и спортивным танцам.

С тех пор минуло много лет. Ксения успела не только закончить с бальными танцами, но и поменять радикально тему, уйдя в стритовые направления, и выучиться на хореографа в педвузе областного центра, и поработать учителем танцев в небольшой школе родного городка. И пережить ее закрытие. И остаться на обочине без всякой поддержки кого-то более опытного и знающего.

Девушка повернула ключ в замке двери танцкласса и прошла внутрь. Сняла уличные кроссовки, натянула точно такие же, но уже для зала. Встала в стереосистему флешку, но включать не стала. Посмотрела в зеркало, да так и осталась стоять, не видя ни себя, ни антуража.

Год назад хозяйка школы танцев, где Ксюша вполне успешно для такого небольшого города преподавала, решила, что настало время пенсии и покоя, а также закрытия всех долгов. Продала помещение одной из девочек, с которыми работала, рассчиталась с кредитами. И пошла куда глаза глядят, точнее поехала на теплые моря: то ли на Бали, то ли в Таиланд.

Кажется, у Ксении была такая судьба — вечно оказываться выброшенной за борт без предупреждения. Подобным образом с ней поступили и родители ее партнера через год после той прекрасной фотографии и турнира, где танцевальной паре удалось добраться до заветного каэмэсовского разряда. Просто сказали, что Вадик уезжает в Москву.

* КМС (казмэс) — кандидат в мастера спорта.

Кого винить? Некого. А линия судьбы поломалась. Найти партнера такого уровня, как ее Вадим, в райцентре и даже в облцентре возможным не представлялось. Так закончился спорт, так закончились «латина» и «классика». Так началась совсем другая хореография.

Коллега, выкупившая школу танцев, сразу честно сказала, что сработаться им вряд ли удастся. Да это и не было секретом. Все, кто держал Ксюшу в этом месте, — дети и хозяйка. Вот ей девушка была благодарна. На нее работала от души. А остальные тренеры и хореографы были чужими. Ради них не хотелось становиться душевнее. Им для нее тоже не хватало сердца. Посторонние люди. Разошлись миром.

В дверной проем просунулись две головы, убеждаясь, что Ксения Андреевна на месте. Хореограф улыбнулась и поманила детей пальцем:

— Давайте, заходите! Начинаем через пять минут!

За пять минут точно подтянутся все остальные. И начнется что-то настоящее: то, ради чего теперь и жила Ксюша.

Преподаванием она прониклась не сразу. Может, и вовсе не прониклась бы, так бы и по сию пору танцевала где-то между вогом и хип-хопом. Может, уже бы и до Москвы добралась. Но, как говорится, одно неверное движение... и две коленные связки оторвались с непередаваемым звуком «хрусть». Захочешь — не забудешь! И ведь как-то дотанцевала на одной ноге!

За характер ее похвалил коллектив и обматерили хирурги, шившие ногу. А потом запрет на всякую нагрузку минимум на полгода. Так закончились ее личные танцы. Вернулась на малую родину с негнущейся коленкой и разбитой мечтой. Еще одной.

— Ксюш, а ты видела это? — В танцкласс вкатились три девчонки от тринадцати до пятнадцати лет, одна из них протянула смартфон с коротким видео зажигательной связки.

— Кинь ссылку, — попросила ученицу Ксения, по принципу «авось пригодится».

Старшая группа, которую она тренировала добрых шесть лет и брала в возрасте от семи до девяти, все уже понимала, вносила вполне дельные предложения в постановки, а порой и серьезно улучшала танец. Тут, конечно, были свои идейные вдохновители, были рабочие пчелки. А вот тех, кому ничего не надо, в группе к нынешнему моменту не осталось. Слишком взрослые, сами решают, нужны ли им танцы.

Среди малышей лет до десяти хватало водимых за руку строгими мамами и бабушками. Впрочем, Ксения никогда никого не отговаривала — она и сама втянулась в танцы не сразу. Если бы мама с пяти до семи лет не таскала ее — через «не хочу» — на занятия, никакого кандидата в мастера спорта в семье Семеновых и не появилось бы.

— Вот ты долбанутая! — С этой фразой в класс вошли две подружки: высоченная, на полторы головы выше преподавательницы, Алиса и хрупкая до прозрачности Олеся.

Девочки были не разлей вода, подруги чуть ли не с первого дня на танцах, как встали рядом в одну линию, так и не разбежались до сих пор. Обеим уже по четырнадцать.

— Привет, Лисы, что опять не поделили?! — Ксения обняла сразу обеих, девчонки обняли ее в ответ.

— Ксюша, скажи, что все, кто прокалывает язык, — дуры! — потребовала Алиска у хореографа.

— А кто у нас проколол язык? — удивилась Ксения.

— Никто... пока. — Алиса сделала многозначительную паузу. —

Но одна долбанутая собирается!

— Главное, чтобы это не поменяло точку равновесия и не влияло на танцы, — философски пошутила наставница.

— Поняла? — фыркнула Алиска на подругу. — Ксюша тоже считает тебя долбанутой!

— Она этого не говорила. — Олеся высунула язык, совершенно целый и неповрежденный, и даже пошевелила им, чтобы стало понятно, насколько она презирает чужое некомпетентное мнение.

Вот ради этих прекрасных дурочек Ксюша и тянула все то, что взвалила на плечи. К детям привязываешься.

— Так, а близняшки у нас где? — удивилась она, не обнаружив сестричек.

— А у них в школе маленькое родительское собрание, — отозвалась Геля, плотенькая коренастая девочка с темной гривой кудрявых волос.

— В смысле? — не поняла Ксения.

— Ну, они физичку обматерили. Вот. Теперь все друг с другом и родителями выясняют, кто был больше неправ.

— Ясно. Пусть выясняют. Им же хуже, — махнула рукой хореограф. — Встаем на танец огня.

В три линии выстроилось десять человек. Еще двое были на школьных разборках, одна сидела дома с переломом руки. Хорошая команда. И через месяц областной конкурс. Надо тренироваться. Непонятно только где!

За звуками музыки Ксюша не услышала тихого стука в закрытую дверь, поэтому появление директора ДК стало неприятной неожиданностью. Мужчина поманил Ксению в коридор. Та кивнула, давая понять, что увидела, но танец не прервала, повторяла движение вместе с группой, вела за собой. И лишь закончив связку, повернулась, поздоровалась с директором и велела детям:

— Еще раз от начала до конца!

Не повезло Ксюше остаться незамеченной, как хотелось. Да и рассчитывать на это не стоило, конечно.

Она сквозь музыкальное сопровождение вслушивалась в шлепание кроссовок по полу, убеждаясь, что все работают. Потирала нервно руки, понимая, в чем суть разговора.

— Ксюш, что будем делать с оплатой?

Естественно, она ничего другого и не ждала, долга по аренде было два полных месяца.

— Марк Анатольевич, вы же меня знаете! Я в любом случае все оплачу! — попыталась убедить директора.

— Ксюшенька, я все понимаю. Я тебе верю. Но мне надо крышу отремонтировать! Договариваться с бригадой уже сейчас. Вносить предоплату! — объяснял тот. — Я же тебя не гнал, ждал два месяца. Но теперь — край. У меня уже есть те, кто придет на твоё место. Сама знаешь, с помещениями у нас плохо, так что я был несказанно благосклонен к тебе!

— Марк Анатольевич! Где я с ними буду готовиться к конкурсу?! Он в апреле! — взмолилась девушка.

— Ксюша, милая, где я возьму семьдесят тысяч предоплаты?! — в тон ей ответил директор. — У тебя неделя. Не обессудь. — И ушел.

Кудрявая голова высунулась за дверь, и Геля спросила:

— Ксюш, нам еще раз прогонять или тебя ждать?

— Прогонять, — автоматически ответила преподавательница.

Дверь закрылась, оставив Ксению наедине с очередным обломом судьбы.

Самое смешное во всем этом — если бы все делали так, как говорят, укладывались в сроки и верно информировали, то никакой проблемы с деньгами не было бы. Еще в конце прошлой весны девушка вложилась в покупку помещения на первом этаже строящегося дома. Отдала все сбережения до монетки, взяла кредит, но купила. Дом обещали сдать в октябре. На дворе заканчивался март. И сейчас казалось, ее ждал переезд не раньше следующего октября, хотя завтраками от застройщика и непосредственно бригады строителей она была закормлена до одури.

За это время растаяла не только подушка безопасности, уходившая на аренду, в то время как основной заработок шел на покрытие кредита и вложения в грядущую отделку будущей школы танцев, но и все тонкие прослойки между этой самой подушкой и откровенной нищетой. Ксения жила в долг. Долг был все больше.

Сегодня картонный домик рассыпался. Мечта снова сломалась. Ксюша тяжело вздохнула, пошла работать. У нее еще неделя. А там?.. Было очень жаль всего, что казалось и не сбылось. Для ее детей — тоже.

Если Ксения скажет, что день прошел легко, — совет. Тянулась из последних сил. Улыбалась. Старалась. Идей выхода не прорисовывалось, а сожаление росло. Если бы она распустила группы перед Новым годом, может, было бы лучше? Если бы попыталась договориться с новой хозяйкой ее школы танцев, может, было бы лучше? Что угодно могло бы быть лучше того, что получилось.

Через месяц в Турции начнется сезон, можно поехать аниматором. В конце концов, это позволит закрыть хотя бы насущные долги. Уже что-то. А потом она вернется, помещение будет, начнет сначала. Соберет снова группы. Кто-то да дождется ее.

Жалко только, что обещала детям конкурс с возможностью выезда на финал в Москву. Этого уже не будет. Вот и у них начали ломаться мечты.

Ксения тихо сложила в рюкзак вещи, уходя, заперла танцкласс. За окнами темно. Работать можно еще пять дней. Будет работать.

Попрощалась с тетушкой на вахте, отдавая ключи. Постояла у собственной фотографии, вспоминая детство. И двинулась на выход.

К вечеру подморозило. Ксюша поежилась, плотнее запахнулась в куртку, посетовала сама на себя, что в кроссовках, а не в нормальных ботинках или сапогах. Ноги мерзли, а занырнув в подтаявшую днем и подмерзшую к ночи лужу, и вовсе стали мокрыми.

Так и прихлюпала домой. К дверям вышел хмурый гражданский супруг, забрал у жены сумку и удалился.

— Леш, я думала, тебе сегодня в рейс, — удивилась Ксюша.

— Завтра. Перенесли, — пробасил Алексей.

— Что так? — Она зашла в комнату, где мигал экран компьютера, и погладила мужа по спине.

— Да не знаю, — не отрываясь от игры, пожал тот плечами. — Какая разница, Ксюх? Или надоед уже?

— Смешной!

И что их мир не брал никогда? Год вот уже живут вместе. Даже дважды решали подать заявление в ЗАГС, а все ругаются из-за всякой ерунды. И ведь как нарочно, только решат оформить — скандал. Разругаются, она уедет к своим родителям, или он — к своим. Через пару дней, неделю — помирятся. Вроде живут дальше.

С Лешей Ксения познакомилась, когда еще с Вадиком танцевала. Посадили к ней за парту новенького. Смурного скуластого блондина, не пожелавшего даже «привет» сказать соседке. А потом как-то само собой так получилось, что начали общаться — сначала по обязанности: то учителя пошлют объяснить что-то вечно пропускающей спортсменке, то, наоборот, Ксюшу отрядят к заболевшему соседу. В общем, притерлись, а дальше и полюбили друг друга. Ну а ссоры? Так характеры — у Ксюши взрывной, от него и Вадя страдал, у Лешки долго копящаяся флегма, которая порой так вырывалась наружу, что оставалось только собирать чемоданы и бежать. Но это они поняли со временем. А по юности, бывало, и до драки доходило.

Расставались, конечно, дважды в год серьезно и раз по десять в запале на пару дней. Совсем разбежались, когда Ксюша ушла в команду стритдансеров и поехала с ними по городам и весям. Лешке не нравилось.

На том расплевались. Разбежались. И до приезда домой Ксюши с зашитыми связками даже не разговаривали.

А там, с долгим восстановлением ноги, наладились и отношения. Как-то казалось, по-настоящему. Дружили, сошлись, живут вот. Собираются расписаться как-нибудь, в спокойные времена. Не сейчас. Сейчас на Ксюше кредит и недострой. У Лешки тоже все непросто: с партнером взяли в лизинг фуру, надо выплачивать.

— Мать твоя приходила, мясо там принесла с картошкой, — не поворачиваясь от экрана, сказал Алексей.

— Хорошо-то как! Есть хочу так, что даже жрать! — обрадовалась жена.

Все-таки голодный человек далек от адекватности: все время хочется ругаться и страдать, а поест — приходит в согласие с собой и миром. Выкладывая еду в миску и засовывая в микроволновку, Ксения блаженно прищурилась от мысли, что сейчас вынет соленый огурчик и ужин будет совершенно прекрасен. Даже тягучие мысли о необходимости оплатить аренду или съехать на некоторое время перестали бродить в голове.

Делиться с Лешей проблемами смысла не имело: ему было все равно. Даже не так: его все устраивало, пока девушка, которую он решил взять в жены, учила детей танцам, но девушка, ввязавшаяся в открытие собственной школы, ему не нравилась. Это же совсем другая работа, другая ответственность, другие затраты и сил, и времени, а потом выяснилось, что еще и денег. Ничего хорошего.

В первый раз свадьба отменилась из-за ругани по поводу покупки помещения в едва начавшем строиться здании, во второй — из-за проблем с деньгами на почве медлительности застройщиков. У Алексея был один и всегда, на его взгляд, самый верный выход — заканчивать маяться дурью, начинать жить нормальной жизнью.

— Вон, устройся в школу искусств хореографом! — указывал понятный путь Леша.

— Там классический танец, да и денег кот наплакал! — возмущалась его гражданская супруга.

— Я тебя как-нибудь прокормлю, — не унимался молодой человек, — зато там нормальное трудоустройство, соцпакет, декретные.

— И зачем мне все это, если я рожать в ближайшие два-три года даже не думаю? — Ксюша и правда не видела себя матерью младенца, а детей постарше ей хватало на занятиях.

Ученики у нее были на любой вкус: от трехлеток, путающих слова и не выговаривающих половину звуков, до подростков, мечтающих проколоть языки и интересующихся у молодой преподавательницы, что она предпочитает на первом свидании: кафе или прогулки в парке — и какое тату лучше: на крестце или на щиколотке. Больше ей ничего и не надо, тем более декретного отпуска и родов. Тем более сейчас, когда их денег едва хватает просто на жизнь.

Муж зашел на кухню, когда Ксения активно пережевывала хрустящий соленый огурец, заглянул в микроволновку и удивился:

— А мне голодным сидеть, что ли?

— Так разогрей себе, если еще не ел, — не меньше удивилась Ксюша.

— Ну понятно, — буркнул супруг.

— Леш, ну откуда мне знать, что ты не ел еще? — завелась Ксения.

— Нормальные женщины интересуются, не голоден ли кто-то еще в семье, когда сами есть садятся, — снова пробурчал Алексей, ставя миску с едой в печку.

— У тебя ненормальная!

Все-таки без скандала не обойдутся.

— Нормальная. Только тебе на меня плевать, — подлил Леша масла в огонь.

— А тебе на меня, значит, не плевать?! Поэтому, когда я прихожу с работы, ты ищешь, к чему бы привязаться и затеять ссору?!

Так у них всегда и начиналось.

— Я ничего не ищю.

Микроволновка пискнула сигналом завершения работы, муж вынул тарелку с едой и пошел в комнату.

— Леш, ешь на кухне! — сказала ему в спину Ксюша.

— На кухне мне не естся, — огрызнулись в ответ.

Как же все это надоело! Вдобавок ко всем проблемам еще и вечно недовольный мужчина. Ксения подобрала с тарелки последнюю картофелину, дожевала огурец, потянулась к чайнику и остановилась.

Следующее, что услышал Алексей, — хлопок закрывшейся входной двери. На кухне было пусто. Рюкзака, с которым его женщина ходила всюду, не было. Ее самой — тоже.

— Истеричка, — фыркнул парень и пошел доедать оставленный ужин.

До родительского дома было недалеко, главное — не провалиться в растаявшем за день снегу, кроссовки и без того были мокрыми. Зачем она снова надела их? Психанула. И сейчас настроение было далекое от радужного. Ждала, что Леша бросится в погоню. Он никогда не бросался, а она каждый раз ждала. Наверное, все-таки ненормальная, если хочет, чтобы муж почаще проявлял эмоции, но не так бурно, как у него бывает, когда захлестнет окончательно. Хотелось чаще чувствовать, что дорога.

Все-таки начерпала обувью ледяной талой крошки. Домой к родителям зашла замерзшая, уставшая, злая. И сразу спряталась в своей комнате, надеясь, что мама и папа уже спят, не полезут с вопросами. Но день был точно не ее: дверь комнаты почти сразу открылась.

— Опять. — Мать оценила и мокрые следы, и стянутые носки, пропитавшиеся насквозь водой, и мрачный вид дочери, шмыгающей носом.

— Мам, не надо! — Эти разговоры были столь же бесконечны, как и ссоры Ксении с Лешей.

— Как дела? — Мать присела на кровать и чмокнула свою девочку в висок, потрепав ее по небрежно схваченным в подобие хвоста светлым длинным волосам.

— Да нормально. Прорвемся. — Ксюша придвинулась ближе, прижалась к материнскому боку. — Устала я, мам. Спать буду.

— Ну спи, конечно. А ты знаешь, я тут видела Валентину Николаевну, учительницу твою первую, помнишь?

Ксюша, естественно, помнила высокую крепкую женщину, что вела их с первого по четвертый класс, сама не так давно ее видела по дороге на работу. Каждый раз при таких встречах останавливалась и отвечала на стандартные расспросы: как дела да какие планы в жизни. В общем, поэтому и избегала.

Между тем мама продолжила:

— Она говорит, что Анна Александровна, бабушка Аня, ну, мама матери Вадика твоего, сильно заболела. Увезла скорая три дня назад. Инсульт там, что ли, у нее.

— Ну, грустно, да, — вздохнула дочь, распуская подобие прически, — но она же уже старенькая, ей лет восемьдесят?

— Семьдесят три, — поправила мать.

— Все равно, уже возраст, — еще раз вздохнула Ксюша.

— Ну конечно, но жалко. Хорошая она женщина. Я ее помню. Это же она Вадьку-то в детстве везде водила, родители всё работали.

У мамы, кажется, наступил такой возраст, что она все время находила какие-то разговоры о болезнях, болящих и скорой смерти. Вроде и не старость еще, маме только пятьдесят один, но незаметно интересы сместились в те области, которые обсуждают бабульки в поликлиниках.

Наконец Ксения осталась одна в комнате.

Неповоротные густые волосы рассыпались по ее плечам. Девушка запустила в них пальцы и помассировала кожу головы. В общем, все грустно в уходящем дне. А грустнее всего то, что и рассказать толком некому.

Будильник на телефоне заверещал в семь тридцать. Поднял Ксению на ноги, но окончательно не разбудил. Как она ни устала, а после того, что произошло за день и усугубилось вечерним скандалом с Лешей, не больно и спалось. Проворочалась долго и, кажется, только закрыла глаза, как приходится открывать и начинать новый день.

С утра она пойдет снова на стройку — решать, когда же уже можно будет нормально заняться внутренними работами. Неделю назад ей велели появиться «через неделю». Потом надо зайти в налоговую, разобраться с документами, потом по инстанциям, чтобы получить противопожарные нормы и СанПиНы*, а то обязательно кто-нибудь нагрянет с проверкой. Успеть бы везде!

* СанПиНы — санитарные правила и нормы.

Из кухни пахло сырниками. Мама баловала Ксюшу, когда та оказывалась дома. Всегда был не просто завтрак, а такой, какой девушка любила. И вот стоит ли жить со всем недовольным Лешей, когда рядом тебя ждут с сырниками? Сложный вопрос. Об этом Ксения подумает позже, когда остальные проблемы как-то улягутся.

Неспешно приводила себя в порядок. Душ, легкий массаж лица, чуть отекавшего спростонья, макияж, прическа. На кухне появилась уже готовой на выход, только из пижамных штанов не вылезла.

— Ксюх, ну кто завтракает в тених и помаде? — возмутилась привычно мама.

— Я, — засмеялась дочь. — Мне варенья не надо, только сметанку положи!

Дома было хорошо, спокойно, тепло. И вкусно кормили. Поесть Ксюша любила и, не работай она хореографом, не прыгай по семь часов в день как заведенная, давно бы стала похожа на женщин с картин Рубенса.

— Мам, знаешь, если утром есть сырники, то жизнь удалась, даже при полной жопе! — выдала девушка.

— Нашла о чем поговорить за столом! — одернула ее мать. — Отец-то не слышит, как ты тут разговариваешь!

— Ой, мам, это он моих энержайзерок не слышал! — Старшая группа могла научить любого всему разнообразию родной речи.

— Тебе бы их исправлять, а ты от них набираешься, — покачала женщина головой.

— Я у тебя поддающаяся чужому влиянию.

Обе рассмеялись.

И чай был вкусный, и завтрак, и мама... тоже вкусная. Пахла мамой. Любовью.

— Все, я попрыгала, — подхватила Ксения.

— Я сегодня опять на стройке буду ругаться, — отчитывалась она уже в прихожей, натягивая кроссовки.

— Ксюш, ну кто в белых кроссовках идет на стройку! Ты в своем уме?!

Из обувного ящика мать вытащила ботинки дочери.

— Они трехлетней давности! — фыркнула Ксюша. — Древние и немодные.

— Ты там прораба хочешь поразить своим нарядом? — расхохоталась мама.

Спорить в итоге девушка не стала: модные или не слишком, но теплые, сухие и подходящие, на самом деле, для визита на стройплощадку, до которой еще по сугробам почти двадцать минут топтать.

Выбежала на улицу, размышляя, стоит ли звонить Алексею. С одной стороны, он сам виноват, что опять затеял свои разборки. С другой — он уезжает сегодня, две недели его не будет, хорошо бы помириться. Решить ничего не успела, потому что отвлеклась на ругань двух автовладельцев,

выясняющих, чье ведро с гайками и болтами должно стоять на расчищенном пятачке.

Пригляделась и усмехнулась: у высокого худощавого брюнета шансов не было. Его шеринговое авто занимало, очевидно, место, которое водитель «УАЗ-Патриота» расчищал для себя. Выяснение, кто неправ, шло на повышенных тонах с полным набором нецензурщины.

«Хозяин» парковочного места объяснял, как и куда он засунет машину «гостя», если тот не уберет свою колымагу. Можно вечно смотреть, как течет вода, горит огонь и два водятла делят парковку, однако время поджимало. Девушка забежала в ближайший магазинчик за бутылкой воды, подумав, купила еще и большой стакан питьевого йогурта — вдруг пообедать не удастся, — расплатилась через постоянно тормозящий терминал безналичной оплаты и пошла к дверям, когда в них ввалился тот самый парень, что занял чужую стоянку. Ксюша хотела его обогнуть, но он зачем-то схватил ее за плечи и удержал.

— Ха, Ксюнь! — Парень развернул пойманную так, чтобы ее лицо оказалось на свету. — А я, правда, подумал, что обознался, но все равно решил догнать! Привет, что ли?!

Жалко, что водитель УАЗа не дал хаму в рог, чтобы не хватал посторонних женщин. Ксения попробовала вырваться, но схватили ее крепко.

— Отпустите меня! Я вас не знаю!

Дернулась еще раз, ее больше не удерживали. Тощий верзила только растерянно проговорил:

— Разве вы не Ксюша?

— Я Ксюша, но вас я не знаю!

Девушка отошла подальше, размышляя, что лучше: вырваться из магазина и убежать от идиота или остаться здесь, хотя бы на глазах у продавщицы.

— Ну как?! Если ты Ксюша, то должна помнить. Вадим я!

— Вадим? — Она пыталась разглядеть в чужом человеке черты того мальчика, который уехал от нее в столицу больше десяти лет назад.

— Ну да, да! Я же с тобой танцевал, так? — пытался достучаться до нее Вадик.

— Да, — автоматически согласилась девушка.

Она не узнавала Вадика. Совсем. Да и как было узнать того подростка пятнадцати лет в этом высоченном, худом мужчине с острыми скулами и запавшими щеками.

— Блин, Ксюнь! — Он сгреб ее в объятия, не спрашивая разрешения. — Как же здорово, что тебя увидел, а то я тут совсем один! Приехал бабушку забирать из больницы, ничего не соображаю. Только вот еще и с соседом поругался из-за парковки.

Вот уж не вовремя эти старые знакомства и прежние знакомцы! Сейчас с его обнимашками и воспоминаниями она точно везде опоздает.

— Вадь, у меня дела, давай потом пообщаемся, а? — попросила Ксения свалившегося на голову бывшего партнера. — Мне идти надо.

— Давай я тебя увезу, куда нужно. Я на машине. Хоть поговорим, — тут же предложил мужчина.

— Да мне здесь рядом, — попыталась отбиться от общения Ксюша. — Дольше объезжать будем по дорогам.

— Ну так и что? У меня все равно никаких дел, — заявил Вадим. — Видишь, мы же думали, ее выпишут сегодня или завтра. А врачи говорят, еще неделя где-то!

Последнюю фразу молодой человек говорил, придерживая для Ксюши дверь магазинчика.

— В общем, я тут, кажется, завис. — Он засмеялся и направил девушку к авто, которое все же перепарковал. — Чем тут заниматься аж неделю, не имею представления. Так что — ерунда полная.

— Неудобно, да, — вежливо согласилась Ксюша.

— А и ладно! — отмахнулся от своих печалей Вадик. — Садись! Покаваю тебя по твоим делам, уже бесполезный день.

«Вот ведь навязался на мою голову», — тихо вздохнула Ксения, но промолчала, несколько ошарашенная напором и жизнерадостностью старого знакомого.

С объездами и поиском маршрутов и впрямь потратили больше времени чем отняла бы пешая прогулка до стройки. Всю дорогу Вадик рассказывал про здоровье бабушки, своих родителей, радовался встрече с бывшей партнершей, потому что скука смертная эта ваша малая родина десять лет спустя после отъезда в столицу.

Столько бессмысленной информации на голову несчастной Ксении не высыпалось, кажется, даже от ее учеников. Из машины выбралась почти с облегчением. Выясняла отношения со строителями и сопричастными — тоже. Все-таки конструктивный диалог, хоть и не слишком добрый.

— Мы еще не начинали черновую отделку, — отмахивался прораб, — вот закончим, тогда и приходи со своей бригадой.

— Да не нужно мне от вас ничего! Все равно все переделывать! — возмущалась Ксения.

— Не положено! — отбивался мужчина.

— А затягивать почти на год со сдачей — положено? — не отставала девушка. — Когда вы нас сможете запустить?

— Ну, — прораб сделал скучное лицо, — давай в пятницу ты мне позвонишь.

— Я приду, — кивнула Ксюша.

Строитель помрачнел.

— Лучше бы позвонила, чем мотаться, — пробурчал он.

— Не лучше. Я знаю! Трубку не возьмете. — Все это было неоднократно пройдено и с самими строителями, и с компанией-застройщиком, так что теперь Ксюша доверяла только личным визитам. — И это, не навешивайте мне двери. Я их менять буду.

— Положено, чтобы двери были, — уперся прораб.

— Положено было сдать объект в прошлом году, — ощерилась Ксения.

— Да ладно тебе, я, что ли, в этом виноват? — Мужчина явно мог бы многое порассказать про особенности своей работы и даже пытался это сделать, но упрямая пигалица стояла на своем и с методичностью поезда метрополитена появлялась на строительстве.

Ксения от его слов взвилась злым пламенем:

— А кто виноват в том, что у меня открытие было запланировано до Нового года, а я все еще хожу в ваши разбомбленные котлованы! Да мне все равно, кто там у вас виноват!

Прорывает ее всегда не вовремя. Вот как сейчас: несчастному мужику досталось за все, даже за прохудившуюся крышу Дворца культуры. От такого взрыва строитель растерялся, легонько потрогал кричащую хрупкую девушку за плечо и пробормотал:

— Ну, ты это! Я понял, да.

Ладонь его скинули с плеча.

— Не ори, в общем, пусть твои ремонтники заезжают в понедельник. Ладно. Не буду тебе двери навешивать. Я же тоже понимаю.

Девушка вздохнула и закивала головой.

— Только в пятницу все равно позвони, — уточнил прораб. — Поняла?

— Я приду, — повторила Ксения.

На том и пошла назад к машине и поджидавшему Вадику.

Строитель лишь пожал плечами. Понятно — никуда он ее не пустит, если к понедельнику ему не дадут отмашку, что начали передачу ключей собственникам. У него тоже правила. Повздыхал да и занялся своими делами.

Вадим с интересом смотрел на решительно идущую от стройки к его автомобилю Ксюшу. Выражение лица у нее ничуть не изменилось за эти годы. Если была недовольна, то хоть сразу беги: казалось, убьет на подлете.

Девушка резко открыла дверцу автомобиля и, усевшись в пассажирское кресло, с силой ее захлопнула.

— Нам, конечно, не жалко чужие замки, — улыбнулся Вадим, — но сразу ломать тоже не надо.

Завел мотор:

— Куда дальше?

— К застройщику, потом в налоговую.

Если уж он подрядился водителем, пусть везет.

Вадик протянул девушке телефон:

— Адреса вбей, поедем по навигатору, я же здесь совсем не ориентируюсь.

Не торопясь вырулил на дорогу и только тогда проговорил:

— Квартиру, что ли, купила?

— Да не, — Ксюша мотнула головой, — помещение для школы танцев.

— Да ладно?!

Ей показалось, что Вадик восхитился не для проформы.

— Вот ты молодец, конечно! Бабушка рассказывала, что ты с командой выступала и после моего отъезда.

Девушка кивнула.

— Здорово, что ты все-таки осталась в танцах. Всегда знал, что из нас двоих именно у тебя талант!

Громкие и яркие, как фальшивое золото, слова осыпали весь салон автомобиля. Ксюше стало неловко.

— Вадь, а ты всегда такой трескучий?

— Профессия! — расхохотался мужчина. — Я же этот, пиар-агент, маркетолог. Ну, всего понемногу. Веду клиентам соцсети, общаюсь с блогерами там всякими. С танцами у меня все закончилось, как в Москве оказались. Ну, даже не совсем так, мы с родителями сначала пробовали, но ты бы знала, какие там девки! Она в шагах косячит, а претензий как у королевы! А я тут резко в рост пошел, стал путаться в ногах, руках, движениях. В общем, хорошие партнерши от меня отказывались, плохие мне были не нужны. Так и закончил. Да и нормально вообще-то. Выучился. Работаю вот. Мешок денег зарабатываю.

— Я бы тоже хотела мешок денег, — хмыкнула Ксюша.

— Вот школу откроешь, будут и деньги, — засмеялся Вадим.

— Тоже так думаю.

Не рассказывать же давно чужому человеку о собственных проблемах.

На главной центральной улице, как положено в талом марте, стояла пробка.

— Ладно, Вадь, выброси меня где-нибудь здесь, дальше я пешком быстрее доберусь, чем в автомобиле. Спасибо, что подвез.

Ксения оглядывалась по сторонам, прикидывая, куда можно вывернуть и запарковаться.

— Давай я тебя подожду неподалеку? — Вадим нашел место и пристроился на обочине. — Мне правда заняться совершенно нечем, а с тобой не скучно вроде.

— Хорошо людям, у которых мешки денег и заняться нечем, — подколола его Ксения, открывая двери. — Лучше бы ты дома на диване полежал, если уж свободное время выдалось.

И ушла, не предлагая никакого решения. Пробегала по кабинетам почти два часа. Опять ругалась со всеми, у кого не просила, и просила у всех, с кем не ругалась. С грехом пополам дела как-то сдвинулись с мертвой точки.

Ксюша стояла и дышала талым воздухом пришедшей весны. Жизнь обновлялась. Может, и ей повезет обновиться. На остановке тормознула грязно-серая от погоды и бело-желтая от природы маршрутка. Ксения

забралась вместе с другими неугомонными, которым не сиделось в кабинетах в середине рабочего дня. И двинулась на занятия.

Не успела открыть двери Дворца культуры, как в них проскользнул рыжий малыш лет пяти.

— Богдан! — позвала Ксюша мальчишку, но тот уже укатился колобочком внутрь здания.

Обернулась, чтобы найти провожатого, кивнула неспешно идущей пожилой женщине, дождалась, пропустила вперед себя.

— Вот ведь, никакого удержу нет, — пожаловалась та, идя рядом с преподавательницей внука. — Ксюшенька, вы б его побольше гоняли, что ли?! А то он до прихода родителей мне всю квартиру разнесет до переборок!

— Он у вас прямо шаровая молния, — посочувствовала Ксения женщине.

— Так его отец был таким же, лет до пятнадцати только и умел, что бежать куда-то сломя голову. Потом уж поутих чуть. Ну а из армии вернулся другим человеком.

Коридор перед танцклассом гудел десятком детских голосов, изредка слышались пошикивания взрослых.

Ксения отперла двери, запустила банду мальков. Покрикивая, построила в линии, начала разминку. Вот темноволосая Зухра, которую водит закутанная в платок мама совершенно славянской внешности. Вот блондин Антошка, плачущий каждый раз на растяжке, но в остальное время смеющийся звонко, как маленький колокольчик. Вот неунывающая Соня: делает все неправильно, но улыбается так, что от ее улыбки загорается сама. Ксюша любила этих малышей и понимала, что они-то, скорее всего, не дождутся новой школы, если сейчас закрыться. Опять заскребли на душе кошки.

В коротком перерыве между группами, допивая йогурт и размышляя обо всем, всерьез решила, что нужно взять второй кредит и закрыть долг. Не такие большие деньги, если подумать, тысяч сто всего. Отправила заявки в несколько банков в надежде, что хоть один отзовется. В долги, понятно, лучше не влезать, но делать тоже что-то надо.

С этой мыслью дождалась старших. Сегодня были все: и близнецы, видимо нашедшие слова оправдания для директора, и две Лиски, и веселая Женька, буквально проходившая на руках все время до начала тренировки.

— Девочки, «дискотека», встаем.

Ксюша поставила музыку.

Еще два часа смеха, танца, большого труда. Все терялось в их и ее движениях: сложности, проблемы, усталость. Абсолютно все. Оставалась только чистая радость и чистая усталость счастливого тела.

Следом завалились ребята шести-девяти лет. Уже не совсем мелкие, но еще совсем дети. С такими всегда больше баловства и больше строгости одновременно. И они пока делятся своими печальями искренне.

И искренне радуются похвале, не рефлексировав — заслуженная она или выданная авансом. Ксюша в растяжке прижимала ребятишек к полу, наваливаясь на спины, и слышала частое дыхание через стоны. Считала над каждым маленьким ухом: раз, два, три, четыре... десять. Когда знаешь, что есть конец у мучения, его можно выдержать.

Отпускала маленьких, ждала последнюю группу на последнюю двухчасовую тренировку. Младшие подростки, в чем-то самые трудные, не понимающие пока толком ограничений. Тела еще детские, а языки уже острые. И отношение к занятиям у кого еще детское, а у кого уже взрослое.

— Вот скажи мне, Ксюш, — Виталик, длинненький мальчишка двенадцати лет, встал у стереосистемы, где наставница поправляла звук, — ты же женщина.

— С утра была, — не стала спорить Ксения.

— Вот почему ты нормальная женщина, а другие — психические?!

Преподавательница даже поперхнулась, но ученик не заметил ее изумления.

— Я ей говорю: Лика, пойдем со мной танцевать, я научу, а она меня идиотом обозвала, — нервно проговорил пацан.

Только Ксюша хотела что-то ответить на печаль своего питомца, как подскочила ее малолетняя тезка и гаркнула в ухо расстроенному кавалеру:

— Витка, а знаешь, почему тебя послала твоя Лика?! Потому что ты — ло-ша-рик!

Захохотала в голос и отбежала от парня в другой конец линии.

Чтобы пресечь назревающую войну, Ксюша запустила музыку и начала разминку, глядя, как ученики повторяют каждый ее шаг. Почему-то было очень смешно из-за этой детской глупости и обзывательств. И опять было легко. Когда все по-дурацки, становится легче.

Ночь через окно выглядела неплотной, будто намекала, что совсем скоро наступит лето. И правда ведь скоро — через месяц, пусть полтора. Девушка дождалась, когда уйдут последние танцоры, и открыла почту в телефоне. Тяжко вздохнула, увидев уведомления от двух банков. Оба отказали.

Почему именно в этот момент, глядя на вежливый текст стандартной рассылки, она вдруг уверилась, что все получится, Ксения не знала, но ей показалось, что открылось новое дыхание. Второе? Третье? Пятое? И появилась уверенность. Все точно будет хорошо. Ну хотя бы потому, что так правильно! И потому, что ей должно повезти! Она так хочет. Как дотанцевать на разорванных связках! Так решила!

Засунула телефон в карман, закинула на плечо рюкзак. Подумала, что надо зайти домой и взять хотя бы нормальные ботинки, не ходить же в этих, давно немодных. Приняв решение, отправилась сдавать ключи на вахту.

У стойки сразу заметила знакомого высокого брюнета. Вадик о чем-то болтал с вахтершей.

— Привет! — обрадовался он подошедшей Ксюше. — А я было подумал, что тебя совсем упустил! Но вот говорят, ты еще работаешь!

— Закончила. — Девушка сдала ключи.

— Ну и здорово! — Вадик распрямился во весь свой немалый рост. — Давай отвезу тебя домой?

Странно, но он будто перепрыгнул через через десяток лет, пролетевший после их расставания, и был снова Вадей, который ездил на турниры, помогал носить чемоданы, поддерживал, если что-то не удавалось. Ксюша еще помнит, как зло и совсем безжалостно колотила его после ошибки в ча-ча-ча, а он лишь прятал лицо, чтобы партнерша острыми когтями не расцарапала. И не ответил даже для остратки.

— Ты как вообще узнал, где меня искать? — удивилась девушка, садясь в машину.

— А я к тебе домой съездил, к маме твоей. Я помню же, где вы жили. Вот, спросил. — Вадим вырулил на дорогу. — Слушай, я пока тебя ждал там, в центре, — думал, что ты вернешься, — кафешку нашел. Может, съездим?

— Долго ждал? — удивилась Ксения.

— Ну, так, не очень. Час или два. — Водитель пожал плечами. — Делать-то мне все равно нечего. Так как насчет кафе?

Отказать человеку, который безуспешно дожидался тебя и не дождался, было неловко, поэтому Ксюша согласилась.

Кофе она любила, а вот плохой — нет. А в России почти везде кофе был не лучший, тем более в их кафе, куда Ксения отродясь не ходила и идти не планировала. Так что заказала чай, хотя и в его качестве уверена не была.

— Давай хоть накормлю тебя! — предложил Вадик. — Голодная же после занятий!

— Не хочу! — отмахнулась Ксюша.

Это была не совсем правда, она бы и поела, но хотелось быть уверенной, что ее устроит заказанная еда. А в этом заведении уверенности ровно никакой.

— Ну, пироженку, мусс? Ты же теперь не в танцах даже, учишь! Можно себе позволить немного расслабиться, не держать такую великолепную форму!

Комплимент был не самым изящным, но попал в цель. Девушка рассмеялась. Понимала, что Вадик врет, он же видел великолепную форму девочек в танцах, от нее Ксюша была далека.

— Ты учти, я замужем! — погрозила она Вадиму.

— Я тоже занят, — сообщил тот в ответ, — но это не отменяет того, что ты прекрасно выглядишь.

Ксения снова рассмеялась. Было легко. Вадим немного рассказал о жизни в Москве, своей работе, даже обмолвился, что у него есть девушка, сейчас она тоже работает в их фирме, а до этого занималась художественной гимнастикой на достаточно высоком уровне.

— Ксюх, то, как они тренировались, это прямо серьезно. Мы так не впахиваем, конечно.

Поболтали о специфике балльных танцев, переключились на стритовые направления. Ксюша, как-то само собой вышло, сообщила, что заявила старших детей на региональный этап всероссийского конкурса. Дети ждут, много готовятся. И добавила:

— Теперь только совсем непонятно, поедем ли.

— Ну, если готовитесь, конечно, поедете, — не усомнился Вадим. — Я тебя знаю, ты, когда решаешь что-то, идешь до конца.

— Не все в этом мире зависит от моих желаний, — пожаловалась Ксюша. — Вся жизнь — это вечный балльный танец с партнером. Сколько ни работай, а по линии танца тебя ведет он. Сломает линию, окажетесь без следующего тура.

— Ну не такая уж наша линия сложная, мы все ходим обычно по кругу, — рассмеялся Вадим. — Так что все можно поправить. В крайнем случае вернешься на ту же точку и пойдешь еще раз. Всегда бывает новый турнир.

— Да, конечно. В конце концов, все учатся как-то проходить свои танцы и свои жизни.

— Ты философ. — Вадик внимательно смотрел на спутницу.

— Это нечаянно, — смутилась та.

Потом долго катались по ночному городу, болтали обо всем, шутили. Будто вернулись в то время, когда единственной проблемой было отработать турнир.

В первом часу ночи Ксения попросила:

— Давай уже расходиться, завтра работа.

— Да, я же забыл совсем, что это я человек без обязательств, а ты занятая женщина.

Вадим вез ее в родительский дом, а надо было в другой. Пришлось попросить сделать крюк.

— У меня там вещи все, а сама пока у родителей живу, — объяснила Ксюша.

— А что так? — Вопрос был задан скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Леша в рейсе. Он дальнобойщик.

Рассказывать всю семейную подноготную Вадиму она не собиралась, не хватало еще на мужа жаловаться.

— А, понятно.

И он спокойно поехал по новому маршруту.

В коридоре темной пустой квартиры Ксюша вытащила спортивную сумку с верхней полки антресолей. Зажгла свет во всех комнатах и на кухне. Увидела недопитый чай у компьютера. Поморщилась, отнесла кружку на кухню и вымыла. Вынула из сушилки посуду, поставила в шкаф. Уборку делала машинально, даже не задумываясь. Спихватилась с тряпкой

в руках, которой пыль протирала. Отоложила в сторону и все-таки стала собираться.

Вадик дождался. Загрузил сумку в багажник и, только выезжая, проговорил:

— Что так долго-то? Хотел идти тебя искать.

— Да так... замечталась. — И правда, похоже, замечталась про дом, семью, мужа нормального, а не вечно унылого Алексея. — Похоже, расходиться надо.

Последние слова вырвались в никуда, а получилось, что нашли своего слушателя.

— Плохо живете? — уточнил Вадим.

— Нет. Нехорошо просто. — Ксения вздохнула. — Как-то мы не совпадаем. Не в одну сторону глядим, что ли?

— Невеселый у тебя период, кажется.

— Прорвусь как-нибудь.

Распрощались скомканно.

Вечер, как ни странно, удался. Забылись навалившиеся проблемы. Ксения легла спокойная и даже счастливая. И почти сразу провалилась в здоровый крепкий сон. До утра. А утром пришел отказ из последнего, третьего, банка. В остальные соваться смысла не было, там условия были жестче, Ксюша в них не вписывалась сразу.

Она молча жевала утренние сырники, размышляя, что делать дальше. В принципе, конечно, можно попробовать выехать на конкурс после месячного простоя. Претендовать им не на что, но дети все равно порадуются.

Еще вариант — умолять оставить помещение за нею, хотя бы пока не найдутся новые арендаторы и не захотят въехать. Отсрочка минимальная, но все-таки тоже отсрочка. Этот вариант в любом случае стоило рассматривать. Ну и третий, самый непонятный, — найти деньги. Пусть не такие уж и большие, но столько друзей, готовых занять Ксюше по чуть-чуть, или одного, который сможет одолжить всю сумму, у нее не было.

Когда Ксения заканчивала завтракать, к столу пришел отец, вскользь поинтересовался жизнью дочери, уткнулся в новости на смартфоне. Он работал в режиме «сутки через трое» и только что вернулся со смены. Поел и отправился спать. Мама собиралась на работу к десяти. У Ксюши занятия начинались после двух. Хотя их графики не совпадали, они как-то успевали общаться даже теперь. Однако тревожить родителей своими проблемами, зная, что лишних денег у них не водится, дочери в голову не приходило.

Мама и папа очень много, безропотно все детство дочери тратились на ее танцы. И она, как только повзрослела, больше не считала

возможным просить у них денег. Пусть хоть сколько-то поживут спокой-
но. Да и откуда у них такая сумма, если подумать?

— В мае поеду в Турцию. Аниматором, — оповестила Ксюша отца
и мать.

Такие поездки она совершала каждое лето: деньги неплохие. Учишь
людей простым танцевальным движениям днем, развлекаешь вечером
на дискотечном разогреве. В свободное время — солнышко, бассейн,
море. Совмещение работы и развлечения. В прежние времена заработан-
ного в турецкой «командировке» хватало на зимний отдых в Тае. В этом
году все уйдет на покрытие долгов.

— Я думала, тебе в этот раз не до Турции, — расстроилась мама, ко-
торой и прежде не нравились Ксюшины поездки.

— Ну так видишь же, не закончили они еще, — пожалала дочь плеча-
ми, — зачем терять время?

— Нормальная работа, — осадил мать папа, — пусть едет, зато жи-
вет на свои, не надо этого ее Лешу просить.

Папе Алексей не нравился. Думается, что ему бы и любой другой
не понравился: для отца Ксения была еще ребенком, которому совершен-
но некуда торопиться, наживется с мужем, тем ли, другим ли. Впереди
много времени.

Определившись с грядущей турецкой подработкой, разбежались:
мать — на работу, отец — спать, а дочь — мыть посуду.

Потом Ксюша выбрала себе сериал, засунула в уши наушники, и тут
услышала пение домофона. Это пришел Вадик. Он еще вчера откровен-
но набивался в гости, просил войти в его положение скупающего без дела.
Обещал не быть обузой. Впустила.

Вадим принес цветы, восточные сладости. Оказывается, помнил, что
любила Ксюша. Золотой парень. Кино под чаек сели смотреть вместе,
через одни наушники. Снова было похоже на времена, когда танцевали
в паре и ездили на старты. Болтали обо всем и ни о чем. Ксюша спроси-
ла Вадика про его бабушку, тот ответил, что все не так страшно, но вра-
чи перестраховываются.

— Возраст же уже. Решили подержать подольше в больнице. Вот от-
везу тебя на работу, поеду за фруктами бабуле.

— Да уж, — опечалилась девушка, — буду последние деньки отра-
батывать.

— Так и не придумала, где взять деньги, да? — посочувствовал товарищ.

— В кредитах мне отказали, а больше особенно и негде, — развела
руками Ксения.

Замолчали. Допили чай. Хозяйка убрала коробки и чашки с кровати,
где смотрели кино, унесла на кухню, а когда вернулась, услышала:

— Слушай, Ксюх, а тебе партнер по бизнесу не нужен?

— А у тебя есть камикадзе, которому жутко нужен бизнес в нашем
городке? — засмеялась Ксюша.

— Ну, типа того, — кивнул друг. — Сколько тебе там потребуется на покрытие долга? Тысяч сто?

— Чуть больше, — согласилась с его оценками финансовых вливаний Ксения.

— Ну, вообще, для меня это подъемные деньги. — Вадик потер подбородок. — Вполне подъемные. К концу недели так вообще не проблема будет.

Наверное, что-то Ксюша в своей жизни делает правильно, если появился из ниоткуда Вадим и решается проблема с деньгами.

— Вадьк, я в такой ситуации, что не откажусь ни от чьей помощи, — откровенно призналась она. — Но это не благотворительность. Я все верну!

— Ты не поняла. Я хочу в партнеры, — повторил мужчина.

— На кой черт тебе сдалось это партнерство? — засмеялась она в ответ на глупое предложение. — Ты в Москве живешь, свои мешки денег таскаешь, а мы тут, свои заботы заботим!

— Мне кажется, не так плохо чем-то вложиться в город детства. Дети будут танцевать. Может, из них получатся хорошие люди, типа, как мы с тобой. — Он легонько приобнял Ксюшу.

— Вадь, я не знаю. Правда.

Она понимала, что партнер — это хорошо, Вадик — тоже хорошо, но мотивы его были совершенно неочевидными, а желание просто глупым.

— Ну ты подумай, Ксюх. Я серьезно. — Он потрепал ее по плечу.

Когда Вадим чуть позже вез девушку на работу, то, поглядывая на ее серьезное лицо, улыбался.

— Давай вечером обсудим детали. Не грузись сейчас, — предложил на прощание. — Я тебя дождусь после занятий.

— Ну да, давай, — согласилась Ксения: радость перемешивалась с растерянностью.

Первыми ее ждали вторые по старшинству, любимые девчонки. Взгляд сразу же зацепился за тихо стоящую в углу незнакомую барышню лет десяти. Как только Ксения открыла двери, новенькую схватила за руку бойкая Рита и потащила напрямую к преподавательнице.

— Ксюш, это Анечка, будет к нам ходить, — заявила она, тыча пальцем в сторону девчонки.

— Привет. — Ксения улыбнулась. — Танцевать хочешь?

Аня невнятно пожала плечами.

— Да мне все равно вообще, — не поднимая глаз, ответила она на вопрос. — В школе сказали, что в портфолио нужен кружок или секция. Можно и сюда.

— Можно, можно! — улыбнулась учительница.

— Но я вообще танцевать не умею, — предупредила новенькая.

— Ты же ходишь — значит, и танцевать умеешь, — не согласилась Ксения. — Танцевать все умеют.

— Ну да, — фыркнула Аня. — Это пока вы меня не увидели танцующей.

— Сейчас увидим.

И Ксения включила музыку.

Сделать из Анюты Плисецкую никому не грозило, но никто и не собирался лепить тут балерину мирового уровня. Музыка девчонка слышала неплохо, старалась, хотя выражение лица всю дорогу было в стиле «отвалите, я страдаю». Ритка приклеилась к новенькой намертво, а она любого расшевелит, так что можно было не опасаться, что Аня останется в одиночестве со своими непониманиями и нежеланиями. Маргарита та еще зажигалка, кого угодно обратит в танцевальную веру.

После почти взрослых Ксюша отвела две группы малышей, а потом запустила самых старших и пошла в высокий кабинет. Просить и обещать. Директор, к счастью, был на своем месте, даже никуда не торопился, несмотря на позднее время.

— Марк Анатольевич, вы можете отложить мое выселение до середины следующей недели? Деньги мне обещали в понедельник. — Она приняла решение, последствия которого выглядели непонятными, но здесь и сейчас оно себя оправдывало.

Усталый директор посмотрел на девушку, улыбнулся и кивнул головой:

— Могу, Ксюш, только не подведи меня, пожалуйста. Если не заплатишь до следующей пятницы, по-настоящему подставишь всех нас.

— Я заплачу! Точно! — Ксения разве что не подпрыгнула в дверях, от которых не отходила во время разговора.

— Очень рассчитываю на тебя, ребенок, — снова улыбнулся Марк Анатольевич.

Жизнь — это просто, радостно, ярко и интересно. Два часа последней тренировки пролетели как один проворот калейдоскопа. Можно было снова танцевать, творить, ждать большого конкурса и строить планы.

Вадик сидел в машине, все такой же веселый и легкий. Вопросов в лоб не задавал. Предложил проехать до облцентра и закутить.

— Мне завтра работать! — отказывалась Ксюша.

— Тебе же не к семи утра на работу! Выспишься.

Они уже выехали на трассу и катили к мегаполису, находившемуся в часе езды от их городка. Девушка не стала сопротивляться, да и забота была поважнее: надо как-то согласиться, а соглашаться было неловко, он же не спрашивает. Может, вообще передумал.

— Вадь, я сегодня директору сказала, что заплачу за аренду, — начала Ксения. — Так что, кажется, твое утреннее желание, если оно еще есть, уместное. Мне нужны деньги. Если можешь дать, я возьму. Ну а дальше — как хочешь.

— Слушай, ну это же прямо счастье! — рассмеялся молодой человек. — Буду совладельцем целой школы танцев!

— Зачем ты в это ввязываешься, Вадь?

— Ксюх, у меня так-то ничего хорошего не происходит в жизни, знаешь ли. Все надоело. Я пять лет колочу воздух, выбивая из него деньги.

Даже получается. Только я этот результат не чувствую. Он весь виртуальный: цифры, буквы, сети, слова. А по сути — пустота. Я сам ничего важного не создаю. И я устал от своей легковесности. Завтра меня сдунут и не заметят. А у тебя — дело. Ты остаешься в этих детях.

— Разве люди не с твоей помощью зарабатывают миллионы? — чуть поддела друга девушка.

— Ксюш, они зарабатывают их на своих продуктах, а я просто достаточно громко выкрикиваю название их продуктов, чтобы в общем шуме оно было услышано. И, кажется, голос почти сорвал.

Темная дорога вела в город огней и круглосуточных развлечений, а мужчина за рулем был невесел впервые с момента их встречи.

— Два последних проекта прошли плохо. И мне даже не жаль. Плевать, знаешь. Заработают на миллиард меньше, а я на полмиллиона. Больше не греет. — Он бросил взгляд на спутницу. — Тебя твои танцы греют?

— Я об этом не думала как-то. Я же больше все равно ничего не умею.

— Когда греть перестанут, начнешь думать, — пообещал Вадим. — От этого не денешься, само в голову залезет.

Дальше ехали сначала молча, потом заговорили о музыке в плеере, который Вадик включил погромче, когда повисла долгая пауза. Въезжая в местную столицу, уже болтали совсем о другом.

Бродили по заведениям. Ксюша чуть-чуть пила, провожатый оставался трезвым, как и положено водителю. Легкость становилась все интимнее.

— Ксюшк, пошли танцанем? — кивнул Вадик на пяточок ночного клуба, предназначенный для топтания и зазывных прогибов.

— Ты еще помнишь, как танцевать-то? — хохотнула девушка.

— Тут мы все равно будем мегазвездами.

Танцевали они, конечно, плохо по меркам профи, но овации публики все равно сорвали. И как в детстве, Вадик обнял партнершу, поцеловал в макушку, а когда Ксюша подняла голову, то и в губы.

В крови бродил легкий хмель, душу наполняли благодарность и веселье. Отвечалось на поцелуй просто, как просто было все с Вадимом. И объясняться не хотелось. Еще посидели в обнимку на темном диванчике клуба, потрепались ни о чем. Снова целовались. Лишь когда мужчина сдвинул ворот ее рубашки, чтобы продолжить поцелуй, Ксения остановилась сама, остановила его:

— Поехали домой, Вадь.

— К тебе или ко мне? — поинтересовался молодой человек и все-таки прижался губами к ее открытому плечу.

— По домам, — попыталась отодвинуть его Ксюша. — Я замужем.

— Не по-настоящему, — отмел ее оправдания Вадик. Его губы перебрались с ее плеча ниже.

— Мне такси вызывать?

— Нет, конечно, — вздохнул Вадим. — Поехали.

По дороге назад между ними была неловкость, требующая объяснений тем настойчивее, чем ближе они подъезжали к родному городу.

— Я так просто не могу, — наконец сказала Ксюша.

— Да я понял, не грузись, — отмахнулся Вадим. — Только я действительно не вижу проблемы. Ты мне нравишься. Я тебе тоже. Люди мы взрослые. И ничего плохого не делаем, пока свободны.

— Так мы несвободны, — напомнила пассажирка.

— А по-моему, как раз свободны. Штампов нет, детей нет. Раз тела тянутся к другим, что-то, видимо, не сложилось с теми, кто был до этого. А если не только тела...

Городок замерцал ночными огоньками.

— Я так не могу, — отказалась от этой теории девушка.

— Ну, бывает, — не стал спорить Вадик.

Распрощались у дома Ксении. Все-таки на прощание еще раз поцеловались. Неплохи были поцелуи. И если бы не Леша... Хотя, может, Вадим и прав: что в Леше хорошего? Живут вечно как кошка с собакой. Может, и не стоило быть настолько принципиальной. В конце концов, никто бы даже не узнал, наверное.

Щекочущий непокой в душе приподнимал над землей на пару сантиметров. Ксюша заснула с улыбкой женщины, которая уверена, что нравится и желанна.

После Ксения не раз и не два думала, что должна была насторожиться намного быстрее, заволноваться, пожалуй. Но бывают такие дни — как с самого утра побежишь, так только ночью и очнешься. Ее пятница выдалась именно такой. Утром позвонили от застройщика и обрадовали, что можно забирать ключи. Потом Ксюша ходила на стройку, потом уточняла сроки начала ремонта, потом вела занятия, а потом сообразила, что дело к ночи, — и пятница кончилась.

Ксюша была уверена, что под дверями ДК ждет Вадик, как два предыдущих дня. Не ждал. Удивилась, возмутилась, но не насторожилась. Мало ли. Всякое бывает. Зато поняла, что даже телефона Вадима у нее нет. Тут в душе словно что-то слегка дернулось, но девушка отмела закравшееся подозрение. Зачем раньше времени паниковать? Завтра выходной. Вадим найдется, и они все обсудят. Он обещал денег. Хотел сделать что-то настоящее и осязаемое. Говорил так, что верилось. С чего бы не верить?

Ксюша дошла до родительского дома, проскользнула в свою комнату. И только там всерьез задумалась. Что она знала о нынешнем Вадике? В общем-то, ничего. Настороженность обратилась в панику, паника

грозила превратиться в апатию. Ксения удержалась над пропастью: подумает завтра. Если завтра все само собой не решится, будет искать болтуна Вадима, чтобы просто посмотреть в глаза. В четырнадцать лет ее оставили без объяснений, но тогда Вадим был ребенком, зависел от родителей. Если и сейчас объяснений не будет, то стоит внимательно поглядеть на мужчину, не выполняющего свои обещания. С этой мыслью Ксюша и уснула.

Утром Вадика искать не пришлось. Пришлось бежать в магазин, куда мама отправила Ксюшу за молоком. В тот самый, где она несколько дней назад столкнулась с Вадимом. Ксения выбрала бутылку от производителя, который худо-бедно устраивал всю семью, расплатилась на кассе, как всегда долго вoroжа над терминалом, не желающим проводить платеж. И выбежала на тающую улицу первого дня апреля.

На тропинке чуть не сбила медленно идущую пожилую женщину, даже скорее бабушку.

— Ой! — охнула девушка, соскакивая в снег на обочине.

Подняла глаза и узнала старушку.

— Анна Александровна!

Та остановилась, пригляделась к девице, которая чуть не снесла ее с дороги, и улыбнулась.

— Боже, Ксюшенька, как же давно не видела тебя!

— Что ж вы — из больницы, да сразу по стылým улицам ходите? — возмутилась Ксюша безответственности пенсионерки.

— Ну а кто за меня пойдет в магазин? — рассмеялась старушка негромко. — Слава богу, ничего серьезного. Врачи вот и те сказали, что надо гулять потихоньку.

— А внук что же?! — Ксюша совершенно не одобряла ни того, что Вадик сам не сбегал за продуктами, ни того, что не сопровождал бабушку.

— Так он вчера вечером уехал уже домой. Только ради того, чтобы с выпиской из больницы мне помочь, и приезжал, — пояснила Анна Александровна.

Выходило, смотреть в глаза было некому. Появившийся чертом из табакерки Вадим исчез так же внезапно. Она всего лишь потеряла время, увлеклась надеждой, для которой не было никаких оснований.

— Понятно, — кивнула Ксюша в ответ на объяснение. — Побегу я, Анна Александровна, а то мама без меня кашу не сварит. В буквальном смысле.

Помахала бутылкой молока и быстро пошла в сторону дома. Завтракать не хотелось. Думать не хотелось. Ничего не хотелось. Даже на звонок старшего в ремонтной бригаде отвечать не хотелось. Из последних сил подняла трубку.

— Здравсьте, — поздоровался мужчина сипловатым голосом. — Мы тут подзавязали с другим заказом. Так что только к следующим выходным сможем к вам прийти и начать. Но все равно все сделаем в срок!

— Хорошо, — устало кивнула девушка.

И, не прощаясь, положила трубку. Теперь уж какая разница — неделей раньше, неделей позже?!

Есть отказалась. Включила ноутбук, запустила какой-то сериал. Под него уснула. Просыпалась несколько раз и снова впадала в спячку. Даже не стала решать, стоит ли уйти из помещения ДК завтра сразу после занятий, чтобы не обнадеживать директора, или все-таки дотерпеть до среды и уходить уже полностью дискредитировавшей себя. И на это было плевать.

Из комнаты Ксения выбралась, когда вечер уже становился ночью. Звякнула стаканом, вынимая из сушилки. Налила воды.

— Ксюх, может, пора рассказать что-нибудь мне? — Мама неслышно появилась в дверях. — С Лешей, что ли, умудрились поругаться на расстоянии?

Девушка отрицательно помотала головой. С Лешкой они не ругались, потому что неделю уже не общались, и как-то не грустилось по этому поводу. Она и вспомнила о муже, только когда отказывала Вадику. А так — просто жила своей жизнью. И было вполне нормально.

— Так и что тогда? — не отставала мать.

— Мы пролетаем мимо конкурса, — вздохнула девушка.

— Почему? Вы же готовились?

Они действительно готовились как звери.

— Завтра, самое позднее в среду, у меня последнее занятие, потом помещение в ДК мне никто не даст, — призналась дочь. — У меня долгов за три месяца уже. До конкурса еще три недели. Без репетиций мы туда поедем смешить народ. — Ксюша вымыла стакан и снова вернула в сушилку. — У меня не хватит совести просить родителей оплатить оргвзнос, поездку, два дня проживания, просто чтобы прокатиться.

— Понятно.

Больше ее ни о чем не спрашивали.

В конечном счете делиться своими проблемами было довольно бессмысленно, мама и папа действительно ничем не могли помочь, только переживать будут, но раз уж так вышло, что же теперь?

— Я совсем устала, — призналась Ксюша матери и, проходя мимо, коснулась ее плеча.

— Немудрено, — согласилась та, придержав руку дочери. — Я было подумала, у тебя с Вадей что-то не срослось.

— Не срослось? — Ксения пожала плечами. — Да нет, Вадя как Вадя. Все нормально.

Ночь она просидела у окна, то и дело открывая его на проветривание. Глядела в темное небо с рассыпанными звездами. Мыслей в голове не было, как и до этого. Она даже не сердилась на Вадику, хотя, может, имела право. Под утро закемарил на подоконнике при открытом окне.

Проснулась с насморком, болью в горле и ощущением, что не спала вовсе. Поглядела на часы и начала собираться на работу. Сегодня в любом случае законный трудовой день. К счастью, короткий: у младших занятий не было, у старших только по часу.

Выпила противовирусное, закапала в нос сосудосуживающие капли, чтобы хоть как-то дышать. Рассосала сразу два леденца для горла. И поползла учить не путать темп и не ломать рисунок.

Солнышко пригревало. День дурака, в котором тебя оставили в дураках по полной программе, перетек в обычную весну. У дверей ДК ее девчонки на расчищенной площадке повторяли связку.

В голове проскочило: интересно, а на стадионе снег сошел? Надо бы посмотреть. Какие-никакие, а репетиции. Если получится, можно попробовать — хоть сколько-то, чтобы просто попытаться, чтобы для детей с горящими глазами вот эти синхронные прыжки под счет не оказались совсем зря.

— Пошли, — махнула девчонкам и закашлялась, проходя по холлу Дворца культуры.

В тихих стенах тут же зазвенел шум детских голосов.

— Алиск, иди в задницу! — сказала одна из близняшек.

— Там тобой занято! — парировала Лиса Алиса.

— Заткнитесь обе! — цыкнула на них Олеська.

То ли от недомогания, то ли просто так сложилось, но Ксении казалось, что сегодня девчонки особенно активны и ярки. Будут репетировать где угодно и как угодно, на улице, в коридорах, но она вывезет их на этот конкурс!

Младшие же откровенно халтурили — видимо, в предчувствии окончания весенних каникул. Пришлось забыть и про больное горло, и про слабость и от души покричать, подгоняя ленивых тюленей. Худо-бедно раскачала к концу занятия, а тут уже и выпроваживать.

Собирались так же, как тренировались: кто в лес, кто по дрова. Но в итоге танцкласс почти опустел. Ксюша ждала последнюю, новенькую Аню. Девочка шнуровала ботинки и куда-то в пол вдруг задала вопрос:

— А ты же долго танцуешь уже?

— С четырех лет, — честно ответила Ксения.

— Ясно, — ребенок с силой дернул шнурки, затягивая на лодыжке обувь чуть не до скрипа.

— Что ясно? — Наверное, поднималась температура, пространство казалось не особенно реальным.

— Ясно, что мне не светит.

— С чего бы? — Они вместе шли по коридору от двери танцкласса.

— Через двадцать лет, может быть, — поправилась девочка.

— Поехали через год на конкурс общероссийский? — Никто не знает, что будет через год, но если эта понурая малявка согласится, Ксюша поборется за то, чтобы все было.

— Через год подумаю, — пожал ребенок плечами.

— Через год будет поздно, — не согласилась хореограф. — На все нужно время, на тренировку, на подготовку, на постановку.

Аня передернула плечами, словно ей было морозно.

— Боишься? — догадалась Ксюша.

— Ничего я не боюсь! — Ученица снова дернула плечом.

— А я боюсь, — призналась наставница. — Каждую постановку боюсь, но как-то делаю. И на каждое соревнование боялась ехать, но ехала. Я вообще трусиха. Уважаю храбрых людей.

Вышли из здания и разошлись в разные стороны. Ксюша посмотрела, как девочка скрылась за углом ДК. Внутри побалтывало и слегка потряхивало. Добралась домой на автопилоте. Без сил и понимания чего-либо. Легла и сразу уснула.

Через два часа ее разбудил озноб. По стене дошла до кухни, нашла жаропонижающее и выпила, не измеряя температуру. Зубы стучали, под одеялом было холодно. Свернулась калачиком, выжидая, когда спадет жар.

Наутро проснулась здоровой, лишь в горле осталось легкое першение. Ела материнские сырники, смотрела, как отец смахивает пальцами закладки в телефоне. Понимала, что никуда не хочет от них. Не хочет возвращаться в съемную квартиру к Леше.

— Значит, так, — папа проговорил эти слова, не отрываясь от текста в телефоне, — залезь вон в тот ящик, в самую глубину, вынь там кошелек...

Ксюша удивилась, но пошла к пеналу и у самой его задней стенки и правда нащупала мягкий кошелек, скорее косметичку. Протянула отцу, тот не взял.

— Значит, так, — повторил, продолжая смотреть в телефон, хотя было понятно, что уже ничего не читает, — мы тут с матерью вчера поговорили. Это тебе. Потратишь, как придумаешь. На свое дело.

Ксения расстегнула молнию на сумочке, которую держала в руках. Внутри были пятитысячные и тысячные купюры. Ее глаза округлились.

— Это что? — выдохнула она.

— Мы на дом начали откладывать пару лет назад, — объяснила мама, наливая себе чай. — Вчера с папой поговорили, решили, тебе нужно.

— Оно у нас дома всегда лежало? — Обозначить как-то через другое слово, кроме «оно», родительский подарок девушка не смогла.

— А куда их? — пожал отец плечами.

— Ну, в банк.

Зачем они ведут этот бессмысленный разговор, непонятно.

— Я не настолько молод, чтобы забыть, как быстро исчезают банки, — хмыкнул мужчина.

— Сколько тут? — посмотрела Ксюша на мать.

— Триста восемьдесят три тысячи, — услышала в ответ.

Невольно сглотнула, понимая, что родителям не так просто далось накопить эту сумму.

— Мне столько не надо, — попыталась она отказаться хотя бы от части денег.

— Понадобится, — отмахнулся папа. — У тебя еще ремонт. Точно выйдет в две сметы. Надо, кстати, посмотреть, что за ерунду тебе всушили.

И вот тут Ксюша разревелась. Как в детстве. Прижалась к маме. Обнимала и плакала.

— Не реви! — проворчал отец, когда, оставив маму, девушка обвила руками его шею. — Поехали смотреть твою покупку. Горе ты мое!

Глаза Ксении были красными, веки воспаленными от слез и ночной температуры. Внутри все вздрагивало от ощущения ирреальности ситуации.

Пока ждала на улице оживления привередливой родительской машины, увидела, как набухли почки, того и гляди проклюнутся первые листки, хотя по всем законам до этого еще почти месяц.

Тряслись по плохо очищенным дорогам внутри района, топали по снегу, смешанному с землей, до сих пор не вывезенной со стройки. Отец внимательно осматривал помещение, потирал подбородок, щупал рамы.

— Стены ровнять, пол перезаливать, — заявил в конце концов. — Рамы тоже меняй, эти любой идиот отожмет и залезет.

Раскритиковал все, что смог, даже то, что солнце большую часть дня будет с другой стороны, и значит, даже летом придется держать свет включенным, а под конец заявил:

— Нормальное помещение, хорошо выбрала.

— Пап, — Ксюша раздумчиво смотрела на голые стены и бетон пола, — давай заедем еще и заберем мои вещи от Лешки.

— Чего, развод? — не понял или, наоборот, отлично понял отец.

— Выходит, что так, — кивнула девушка.

— Сообразила, наконец, — одобрил родитель.

— Никогда тебе Алексей не нравился, — констатировала Ксения.

— Да это бы полбеда. — Папа поковырял зачем-то стену. — Полбеда было бы, если бы он только мне не нравился. Он, Ксюх, и тебе не нравится. Вот в чем горе.

— Может быть. — Видимо, это была правда.

День разочарования в Вадике, ночь озноба и жара, и стало ясно, что не хочется ни каяться перед Лешей за веселый вечер, ни жаловаться ему

на болезнь. Ксения уже больше недели не слышала и не видела мужчину, с которым жила вместе, а сказать, если вдуматься, было ему и нечего. Она по нему даже не скучала.

— Не передумашь? — поинтересовался отец.

— Не-а, — потрясла головой дочь. — Все, пап, новый танец. Новая линия. Леша в рисунок не помещается.

— А кто помещается?

Ксюша представила, как резко считает: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — и полтора десятка ног в такт топают, выполняя связку.

— Я новенькой предложила через год ехать на конкурс. — И в зеркале будет отражаться полтора десятка детских лиц. — Вот она помещается. Энерджайзеры мои помещаются, малявки — тоже. А Леша — нет. Он из другого танца, выходит.

— Значит, пока так, — принял папа мысль. — Пошли тогда съезжать из семейной жизни, Ксюх.

— Пап, я куплю вам с мамой дом, честно. — Это была еще одна важная цель, родившаяся только что.

— Купи себе что-нибудь, кроме этих полста квадратов. Да и за них хоть расплатись, — отмахнулся отец и развернулся к выходу. — Мы с матерью не немощные.

Ксюша напрыгнула на него сзади. Раньше, когда она была помладше, отец подхватывал ее после такого прыжка под колени и тащил на спине. Сейчас это было ему уже не по здоровью, так что он просто остановился и похлопал дочь по руке.

— Поехали, а то твоя танцевальная банда не дождетя, пока ты личную жизнь развяжешь!

— Нашу первую всероссийскую победу я посвящаю лучшему в мире папке! — весело скакала вокруг отца Ксения.

— Ну-ну, победи сначала, — фыркнул тот, пытаясь обойти егозящую девчонку.

— Победю! — Дочь плюхнулась на переднее сидение старенького авто.

— Вот тогда и поговорим.

Мотор чихнул, но завелся.

Жизнь продолжалась. А значит, надо было танцевать. И Ксюша танцевала.